

УДК 82.0 (091)

Филиппов Ю.Л.

(г. Курск)

КУРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Е. НОСОВА

Аннотация. В статье анализируется курское пространство произведений Е. Носова. Проза писателя, основанная на личной судьбе, автобиографична в своей основе. Поэтому малая родина занимает в произведениях писателя главное место. Пространство дома, пространство города организуют курское пространство писателя в его художественной модели мира. В курском пространстве Носова легко выделим ряд пространственных топосов: личное пространство героев – дом – город. Они не оппозиционны друг другу. Замкнутое пространство дома органично входит в пространство города. А пространство города привносит новое мироощущение в пространство дома и пространство личности.

Автору удалось рассмотреть анализируемые явления с различных аспектов.

Ключевые слова: пространство дома, топос города, пространственные оппозиции, художественная модель.

Yu.Philippov

(Kursk)

KURSK SPACE IN THE WORKS OF E. NOSOV

Abstract. The article analyses the space of Kursk reflected in E. Nosov's creative works. His prose, based on facts of his personal life, has autobiographical basis. Therefore, his birthplace takes special place in his works. The space of the house and the space of the city form the writer's space of Kursk in his artistic model of the world. In Nosov's Kursk space it is easy to single out a number of spatial toposes: characters' personal space – house – city. They are not in opposition to each other. The closed space of the house is included in the organic space of the city. The space of the city adds a new attitude to the space of the house and the space of the person.

The author managed to examine the phenomenon analyzed from different points of view.

Key words: space of house, the topos of the city, spatial oppositions, artistic model.

Е. Носов принадлежит к тому числу писателей, чья жизнь биографически и творчески связана с малой родиной – Курским краем. Его центр – город Курск со своими улицами, площадями и скверами, живописными окрестностями и, конечно, жителями, – объект пристального писательского внимания. В любви к Курску писатель признавался не

раз. В очерке «Дорога к дому» Е. Носов пишет: «И вот всякий раз – наездишься, насмотришься, наудивляешься, голову распирает от впечатлений, приходит момент, когда ноги и глаза уже отказывают: ноги не несут, а взгляд начинает скользить по поверхности – и вдруг неудержимо, ностальгически, с каким-то подскуливанием души захочется к себе домой, в Курск» [4, с. 524]. В связи с этим в разговоре о художественном мире писателя уместно говорить о курском пространстве, почти всегда его организующим. Это актуально вдвойне, так как художественное пространство в тексте является основой авторской модели мира.

В курском пространстве Е. Носова легко выделим ряд пространственных топосов: личное пространство героев – дом – город. Каждая из этих категорий имеет свою семантику и специфический смысл. Первоначальным здесь является личное пространство героя, по-своему выстраивающего и ощущающего его. Оно очерчено границами детства, фрагменты которого лежат в основе курского художественного пространства Е. Носова. Ментальность, заложенная в детстве, сохраняясь в своих устойчивых характеристиках в течение всей последующей жизни, всякий раз приобретает новые качества за счёт сопряжения с иными пространствами. В анализируемых нами произведениях Е. Носова – это пространство дома и социальное, историческое пространство города.

В курском пространстве художественного мира писателя образ дома несёт особый смысл. Этот дом топографически точно обозначен. В рассказе «Дом за триумфальной аркой» (1963) улица названа Гужевой: «Мы жили в старом двухэтажном доме на шумной Гужевой улице» [3, с. 180]. А в более позднем рассказе «НЛО нашего детства» (1991) это Красноармейская улица: «Как раз в ту осень мы переехали в заводской четырехквартирный флигель на Красноармейской» [3, с. 196].

Образ дома у Носова выступает одновременно метафорой национального бытия. В его логике отражено пространство социальной истории. Не случайно он «был единственный коммунальный дом на всей улице» [3, с. 183].

Историческое время, описываемое в рассказах «Дом за триумфальной аркой» и «НЛО нашего детства» – это 30-е гг. XX в. Оно определяется политическими, общественными и культурными условиями развития страны. М. Бахтин писал, что «приметы времени раскрываются в пространстве, оно осмысливается и измеряется временем» [1, с. 122].

Понятно, что историческое время не только характеризует общую историко-общественную атмосферу, но и определяет действия героев произведения, их взаимоотношения.

Историческое время рассказа характеризуется оппозициями «прошлое – будущее», «старое – новое», «тёмное – светлое», «свой – чужой».

Так, оппозиция «прошлое – будущее» представлена развёрнутой детализированной картиной дома: «С толстых опор запылёнными глазами глядели львиные морды с кольцами в зубах. На арках кучерявились алебастровые финтифлюшки и крылатые амуры» [3, с. 183].

Утраченный мир символизируют и «большие каменные ворота», похожие на триумфальную арку и «всегда распахнутые настезь», а также «обрывки кровельного железа», свисающие с гребешка крыши дома, и ещё веники, которые росли «меж замшелых кирпичей» [3, с. 183-184]. Новое время размыкает ранее замкнутое и обособленное пространство дома, «он стоял в глубине двора, за большими каменными воротами» [3, с. 183], а «распахнутые настезь» ворота переводят его пространство в социально-историческое пространство города. Прошлое в повествовании достаточно предметно. Оно наполнено «рассохшимися лакированными колёсами» на чердаке «огромного и пустого» сеника, старыми лакейскими ливреями, где «мыши догрызали какие-то остатки прежней жизни» [3, с. 185-186].

Настоящее же в этой оппозиции – «побелённые изнутри стены», «подведённые синькой кантики под потолком» и «Интернационал», который исполняют мальчишки, при вселении в этот дом:

*«Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!»* [3, с. 184].

Пространство дома характеризуется и оппозицией «тёмное – светлое», сопряжённое с оппозицией «прошлое – будущее», где тёмное (прошлое) обозначено «чёрными провалами окон», над которыми «так и остались чёрные, закопчённые зализы от пожара» [3, с. 184]. Новое и светлое представлено в следующем эпизоде: «Приезжал товарищ Лыкин, <...> привёз сумку электрических лампочек – по две штуки на семью – и сам вкручивал их в патроны» [3, с. 184]

Символика света в оппозиции «прошлое – будущее» важна для писателя. И свидетельством этого является то, что этот эпизод рассказа перешёл в дальнейшем в рассказ «НЛО нашего детства», ещё более углубляя образ: «В день новоселья сам директор завода <...> лично вернул лампочку в свисающий с потолка патрон и, щёлкнув выключателем, заставил всех зажмуриться и заслониться руками, будто и впрямь включил коммунальное солнце» [3, с. 196].

Обусловливая оппозицию «бедный – богатый», Е. Носов использует такие хронотопические образы, как дом, лавка, барак, особняк. Они же служат средством раскрытия характера героев, их внутреннего мира: «Соседи относились к нашему двору враждебно. Они жили в крепких, приземистых особняках, на которых кое-где ещё оставались следы торговых лавок» [3, с. 184].

В художественной организации курского пространства важную роль играет и оппозиция «открытый – закрытый». С одной стороны, запирающиеся «на железные шкворни ставни на окнах», «высокие заборы» и дома, которые «с первыми сумерками погружались в тихую, затаённую дремоту» [3, с. 184]. С другой – «шумное поселение с непонятным, безалаберным порядком жизни, с настежь распахнутыми воротами и незанавешенными окнами» [3, с. 184]. Пространство данной оппозиции сопряжено как с пространством оппозиции «свой – чужой», так и с пространством оппозиции «старое – новое».

Новое в социальном укладе характеризуется хронотопом с доминированием светлого и открытого пространства: «Улица и солнце были нашим миром» [3, с. 184].

В художественной картине мира Е. Носова пространство дома не является оппозицией пространству города. Замкнутое пространство дома органично входит в пространство города. Выходя из своего дома, получая известия о происходящем, герои переходят в пространство города, истории, социальных и политических отношений.

Город является центром курского пространства в рассказах и повестях Е. Носова. В образе носовского города есть отражение как основного архетипа города, так и его более частных, конкретных выражений.

Герои Е. Носова погружены в особую атмосферу города. В философии она обозначается термином *переживание города*. Под ним понимается «особая бытийная форма жизненного и культурного освоения и присвоения города, в которой осуществляется процесс перехода в субъективный внутренний мир человека объективированных форм проявления сущности города» [2, с. 5]. Структурную основу городского пространства составляют площади, парки и скверы, улицы и перекрестки, кварталы и «монументальные объекты, закрепляющие их ряды» [5, с. 16]. Время находит свое выражение в облике города: «В те времена город ещё не знал асфальта. Даже главная площадь, на которой устраивались парады, была вымощена глыбистым, как голландские сыры, булыжником» [3, с. 180]. Уже в этом описании городского пространства выражена оппозиция «старое – новое», которая явственно проявится в

дальнейшем построении писателем курского пространства: «Тогда ещё в силуэт нашего города были вписаны двадцать восемь церковных колоколен и только четыре жестяные заводские трубы. Три трубы варили мыло, квасили дрожжи, дубили кожи, а четвертая труба была лыкинская» [3, с. 182]. Оппозиция «старое – новое» в курском пространстве Е. Носова связана с оппозицией «своё – чужое»: «На нашем заводе не занимались пустяками вроде мыла и дрожжей. Там ремонтировали первые советские тракторы» [3, с. 182]. Так в пространстве города появляется пространство завода, который является у писателя важнейшим локусом города 30-х гг. XX столетия: «Завод длинно и однообразно тянулся вдоль улицы низкой кирпичной стеной, выбеленной извёсткой, с большими пыльными окнами» [3, с. 183].

В курское пространство Е. Носов не только привносит устойчивые приметы города, но тщательно отбирает те, что с наибольшей полнотой и выразительностью передают колорит Курска, в котором для писателя сосредоточены духовные и нравственные токи коренной России.

Поэтому нередко его курское слово наполнено лирической интонацией: «С угасанием дня, особенно в глухое осеннее ненастье, курские окраины погружались в кромешную тьму – все эти подгорья и понизовья, затускарные и куровые заулки, прогонные и луговые, полевские и песковские обываловки... А ещё непроглядная казацкая сторона за девятью логами... Да запредельная ямская Мурыновка. Да вспомнить цыгано-бугорскую картёжную вольницу! Да стрелецкую глухомань за Кривецкой протокой... Или же Очаковские переулки с их неизбежными хлябями, хлипкими мостушками, кладями в одну-две доски над чёрной застойной погибелью...» [3, с. 195-196].

В точных деталях возникает легкоузнаваемый облик города середины XX в. Это некий фокус зрения, где локусы города представлены через детское восприятие, а точнее, через воспоминания автора-повествователя.

Как и пространство дома, пространство города характеризуется оппозицией «светлое – тёмное». Определяя пространственный центр, писатель говорит о том, что «только в самом центре города, на вознесшихся холмах, где-то на Херсонской, а больше на Московской светло, медово полнились электричеством окна высоких этажей, разноцветно мигали и млели какие-то письма на фронтонах» [3, с. 196].

Таким образом, выстраивая в своём повествовании один из распространённых перцептуальных хронотопов, Е.И. Носов изображает географическое и семиотическое пространство Курска.

Литература:

1. *Бахтин М.* Литературно-критические статьи. – М., 1986.
2. *Горнова Г.В.* Переживание города [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – 2006. – URL: <http://www/omsk/edu/article/vestnik-omgpu-8.pdf> (дата обращения: 14.11.08).
3. *Носов Е.И.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. – М., 2005.
4. *Носов Е.И.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. – М., 2005.
5. *Фёдоров В.В., Коваль И.М.* Мифосимволизм архитектуры. – М., 2009.